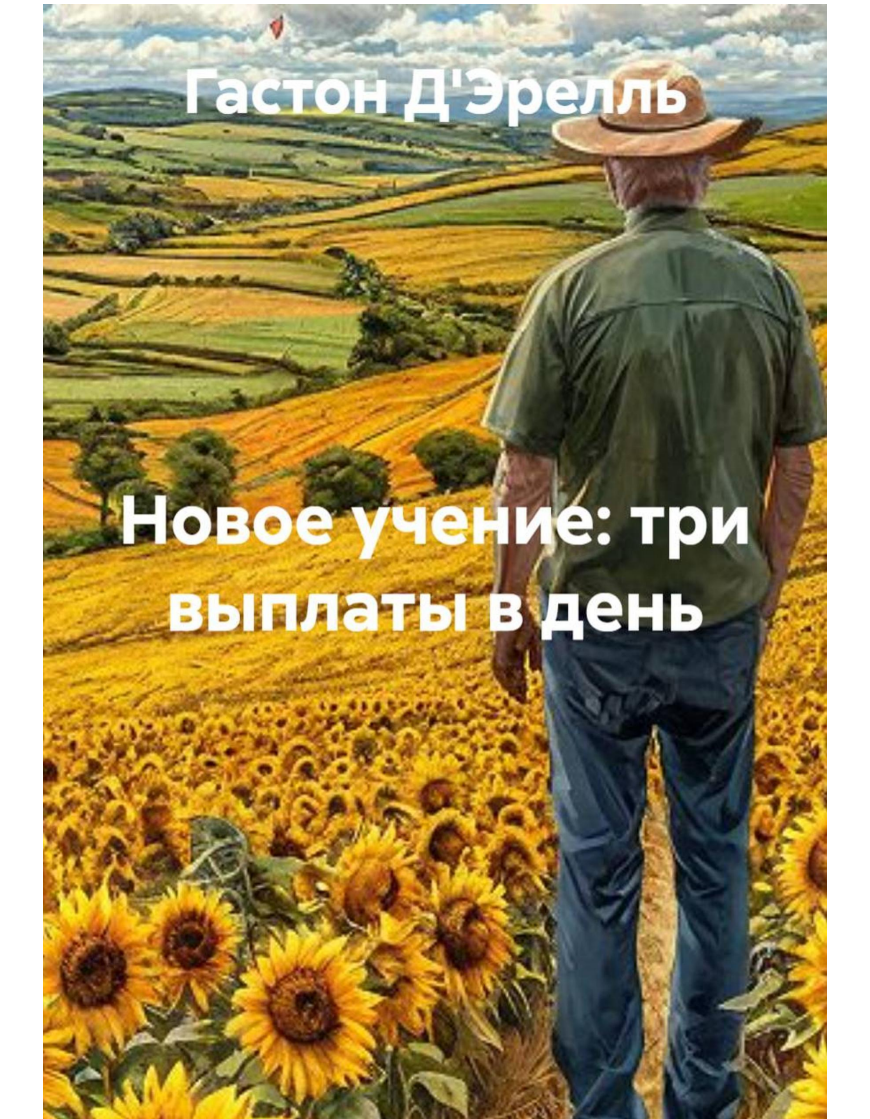

Гастон Д'Эрелль

Новое учение: три
выплаты в день

Гастон Д'Эрелль

Новое учение: три выплаты в день

<https://litres.ru/74308022>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вы боитесь завтра? Миллиарды людей просыпаются с тревогой о хлебе насущном. Эта книга — не утопия, а философское учение, основанное на идее трёх безусловных выплат в день: на еду, лекарства, жильё, свет. Автор доказывает: страх — не естественное состояние, а конструкция системы дефицита. Три выплаты освободят человечество от страха, вернут достоинство и раскроют творческий потенциал каждого. Книга для матерей, работающих, стариков — для всех, кто устал бояться и готов к переменам. Мир можно сделать добрым. Просто. Честно. Навсегда.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ. ОТ СТРАХА К СВОБОДЕ	4
ГЛАВА 1. ТОТАЛЬНАЯ БЕДНОСТЬ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ЭПИДЕМИЯ	13
ГЛАВА 2. СТРАХ ЗАВТРА КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ТЮРЬМА	31
ГЛАВА 3. ЦИВИЛИЗАЦИЯ ДЕФИЦИТА: КАК УСТРОЕН СОВРЕМЕННЫЙ МИР	47
ГЛАВА 4. ФИЛОСОФИЯ ИЗОБИЛИЯ VS ФИЛОСОФИЯ ДЕФИЦИТА	62
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Новое учение: три выплаты в день

ПРЕДИСЛОВИЕ. ОТ СТРАХА К СВОБОДЕ

Эта книга — не про деньги. Эта книга — про то, как перестать бояться завтрашнего утра.

Я пишу эти строки глубокой ночью. За окном — тишина большого города, который никогда не спит, но сейчас затих, словно прислушиваясь. Где-то в этой же ночи, в миллионах окон, горят лампы — и за каждым из них сидит человек, который не спит. Не потому, что хочет, а потому что не может. Потому что в голове — бесконечная карусель вопросов: «Что будет завтра? Хватит ли до зарплаты? А если заболею? А если ребёнок заболеет? А если машина сломается? А если... а если... а если...»

Мы привыкли называть это «тревогой», «стрессом», «нервами». Мы привыкли считать это нормой взрослой жизни. Мы привыкли думать, что так и должно быть — вечно крутиться в этом колесе, вечно бежать, вечно не успевать, вечно бояться не дотянуть до следующей полочки. И самое страшное — мы привыкли *не замечать*, как этот страх съедает нас

изнутри. Как он превращает нас из живых, мыслящих, чувствующих людей в механизмы выживания.

Но что, если я скажу вам, что это не норма? Что страх перед завтрашним днём — это вовсе не неизбежная плата за жизнь, а искусственно созданная, поддерживаемая и культивируемая конструкция? Что миллиарды людей на этой планете могли бы просыпаться с улыбкой, а не с комком в горле? Что завтрак, обед и ужин — это не привилегия, а базовое право каждого, кто родился на этой земле?

Я знаю, вы сейчас подумаете: «Очередная утопия, очередной сказочник, который обещает рай земной». Я понимаю ваш скепсис. Я сам был таким — циничным, уставшим, разочарованным. Я сам пересчитывал копейки до зарплаты, я сам просыпался в холодном поту от мысли, что нечем платить за квартиру, я сам видел глаза своих детей, когда они спрашивали, будет ли у них новый телефон или хотя бы просто вкусный ужин. Я знаю этот страх — он въедается в кожу, он живёт в затылке, он шепчет каждую минуту: «Ты недостаточно хорош, ты недостаточно зарабатываешь, ты недостаточно стараешься, ты — неудачник».

Но однажды — и это был переломный момент — я понял, что этот голос мне не принадлежит. Этот голос — он чужой. Это голос системы, которая заинтересована в том, чтобы я боялся. Чтобы я работал за еду. Чтобы я не задавал вопросов. Чтобы я был удобным, послушным, управляемым. И в тот момент я решил: больше никакого страха.

Я начал искать. Я читал философов — древних и современных. Я изучал экономические модели, социальные эксперименты, психологические исследования. Я разговаривал с тысячами людей — с нищими и богачами, с работягами и профессорами, с матерями-одиночками и многодетными отцами. И я нашёл.

Я нашёл книгу, которая перевернула моё сознание. Она называется «Три Раза В День: Как Мы Все Перестанем Бояться Завтра», и её автор — RemVoVo. Это не академический трактат и не экономический манифест. Это крик души. Это призыв. Это точный, выверенный, математически обоснованный план того, как человечество может покончить с главным кошмаром своей истории — с голодом, холодом, болезнями, отчаянием. План, который называется просто: три выплаты в день — на еду, на лекарства, на жильё, на свет. Каждый день. Каждому человеку. Безусловно. Навсегда.

Когда я впервые прочитал эту книгу, я плакал. Не от жалости к себе — от осознания того, как просто всё может быть. Как мы все, всё человечество, десятилетиями, веками, тысячелетиями бьёмся в стеклянный потолок, не замечая, что дверь открыта. Три выплаты в день — это не магия. Это не «раздача денег», как говорят скептики. Это перераспределение того, что уже есть. Это возвращение человеку того, что у него украли. Это восстановление справедливости, которая была попорана задолго до того, как мы родились.

Но эта книга, которую вы держите в руках (или читаете

на экране) — не просто пересказ идей RemVoVo. Я не хотел делать компиляцию. Я хотел создать *учение*. Полноценную философскую систему, которая охватывает не только экономику, но и психологию, и социологию, и этику, и онтологию — само понимание бытия. Потому что три выплаты — это не реформа, это революция сознания. Это смена парадигмы, после которой мир уже никогда не будет прежним.

Мне нужно было разложить всё по полочкам. Сделать так, чтобы любой человек — независимо от образования, профессии, возраста — мог понять: это работает, это обосновано, это неизбежно. Это не мечта, это проект. И у этого проекта есть фундамент, есть стены, есть крыша. Я хочу, чтобы вы увидели его целиком — от подвала до флюгера.

Поэтому я разбил книгу на шесть частей и двадцать глав. Каждая глава — это кирпич в здании нового мира. Первая часть — «Диагноз: человечество в ловушке страха» — ставит точный, жестокий диагноз. Мы посмотрим правде в глаза: сколько людей на самом деле живут в нищете, как страх превращает их в тени, как устроена цивилизация дефицита и почему философия конкуренции стала религией современности. Мы развенчаем мифы о «естественности» бедности и докажем, что она — рукотворное зло.

Вторая часть — «Основания нового учения» — это сердце книги. Здесь я подробно, с цифрами и схемами, объясню, как работают три выплаты, откуда возьмутся деньги (перераспределение, а не печатный станок), почему нужно запре-

тить проценты и спекуляции, как освободить труд от оков необходимости и вернуть человеку право на праздность и творчество. Это техническая, экономическая сторона — но без неё рухнет всё.

Третья часть — «Психологическая революция» — о том, что происходит внутри человека, когда страх исчезает. Как мать перестаёт «сидеть ночами и перебирать в голове» варианты. Как ребёнок растёт без комплекса неполноценности. Как старик умирает с достоинством, а не в холодном углу. Как творчество становится нормой, а не привилегией избранных. Мы заглянем в мозг, в душу, в сердце — потому что без этого внешние реформы ничего не значат.

Четвёртая часть — «Социальная трансформация» — выводит нас на уровень общества. Мы увидим, как исчезает преступность, как возрождаются семьи и общины, как исчезают границы между нациями и возникает единое человечество. Это не пафос — это следствия простых механизмов. Когда у каждого есть еда, никто не идёт воровать. Когда у каждого есть дом, никто не завидует соседу. Когда у каждого есть лекарства, болезни не становятся приговором.

Пятая часть — «Путь к переменам» — это практическое руководство. Мы обсудим десятилетний план внедрения, ответим на все возражения критиков, разберём, что может сделать каждый из нас прямо сейчас. Потому что эта книга не для пассивного созерцания — она для действия. Для мам, для бабушек, для работяг, для мечтателей. Для всех, кто

устал бояться.

И наконец, шестая часть — «Жизнь после перемен» — рисует картину нового мира. Я покажу вам день из жизни обычного человека в этом будущем. Не утопическую сказку, а вполне реальное, осязаемое утро, день, вечер. Я покажу вам, что значит *не бояться завтра*. И я завершу философским размышлением о том, каким становится человек, когда его основная потребность в безопасности удовлетворена — навсегда и безусловно.

Я пишу эту книгу, обращаясь лично к вам. Мне всё равно, кто вы — мужчина или женщина, молодой или старый, богатый или бедный, образованный или нет. Если вы держите эти строки, значит, вы — человек. Значит, в вас есть искра. Значит, вы способны чувствовать, сомневаться, надеяться. Я не предлагаю вам религию — я предлагаю вам ясность. Я не обещаю вам спасение души — я обещаю вам спасение тела, которое так долго мучили голодом, холодом и страхом. И я говорю вам: это реально. Это более реально, чем все банковские счета и биржевые индексы вместе взятые. Потому что это касается каждого из нас.

Но есть одно условие. Вы должны перестать быть пассивным наблюдателем. Вы должны перестать ждать, что «кто-то придёт и сделает». Вы должны перестать доверять тем, кто говорит, что «так не бывает», «это утопия», «это подорвёт экономику». Эти люди — ваши враги. Не потому что они злые — потому что они слепые. Они не видят того, что ви-

дите вы — что миллиарды людей страдают без необходимости. Что мир изобилен, как никогда. Что технологии позволяют накормить всех, вылечить всех, дать кров всем. И что единственное препятствие — это наша собственная привычка бояться.

Книга RemVoVo была написана для того, чтобы мы перестали бояться. Моя книга — продолжение. Я беру ту идею и превращаю её в систему, в учение, в мировоззрение. Потому что одной идеи недостаточно. Нужен фундамент, нужны доказательства, нужны планы, нужны аргументы. Я даю вам всё это. И я приглашаю вас в путешествие — от страха к свободе.

Возможно, вы сейчас скептически улыбнулись. Возможно, вы подумали: «Этот автор — мечтатель, он не знает жизни». Я знаю. Я жил в нищете, я ночевал на вокзалах, я видел, как умирают от болезней, потому что нет денег на лекарства. Я знаю каждую трещину на асфальте этой реальности. И я также знаю, что эту реальность можно перекроить. Не волшебной палочкой, а точным расчётом, волей и солидарностью.

Мы — те, кто может. Мы — миллиарды. И нас больше, чем тех, кто держит деньги. Нас больше, чем тех, кто держит власть. Мы — те, кто каждое утро просыпается в холодной комнате, кто считает монеты на хлеб, кто откладывает визит к врачу до последнего, кто берёт в долг до зарплаты, кто боится завтрашнего дня. Мы — те, кого называют «простыми

людьми». Но именно мы — самая большая сила на земле. И когда мы осознаем это, когда мы перестанем бояться и начнём действовать — мир изменится.

Эта книга — не просто текст. Это оружие. Оружие против страха. Против отчаяния. Против несправедливости. Я хочу, чтобы вы читали её не как пассивные потребители, а как солдаты новой армии — армии мира, изобилия, справедливости. Я хочу, чтобы после каждой главы вы чувствовали, как с ваших плеч спадает груз, который вы носили годами. Я хочу, чтобы в конце вы встали и сказали: «Я больше не боюсь. Я знаю, что делать. И я буду это делать».

Мы начнём с диагноза. Мы посмотрим в лицо правде — какой бы горькой она ни была. Потому что только осознав болезнь, можно начать лечение. Только признав, что мир болен страхом, можно приступить к исцелению.

Исцеление называется «три выплаты в день».

Это не благотворительность. Это право. Это не милостыня. Это справедливость. Это не уступка слабым. Это возвращение долга сильными. Мы живём в мире, где создано достаточно еды, чтобы накормить 10 миллиардов человек, и достаточно жилья, чтобы дать крышу над головой каждому. Мы живём в мире, где лекарства производятся в таких количествах, что могли бы спасти все предотвратимые смерти. Проблема не в том, что у нас мало ресурсов. Проблема в том, что они лежат мёртвым грузом в руках горстки людей, которые смотрят на наше страдание и называют это «свободным

рынком».

Я не зову к ненависти. Я зову к осознанию. И к действию. Вы готовы?

Тогда переверните страницу. Или промотайте вперёд. Потому что завтра уже не будет таким, как вчера. Завтра начнётся сегодня.

«Мир можно сделать добрым. Просто. Честно. Навсегда» — RemVoVo

ГЛАВА 1. ТОТАЛЬНАЯ БЕДНОСТЬ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ЭПИДЕМИЯ

1.1. Цифры, которые должны заставить нас проснуться

Начнём с фактов. Не с эмоций — с сухих, безжалостных цифр. Потому что именно цифры, когда мы действительно смотрим на них, перестают быть абстракцией и превращаются в обвинительное заключение против нашей цивилизации.

По данным Всемирного банка, ООН и других международных организаций, на 2025 год около 3,5 миллиарда человек — почти половина населения Земли — живут менее чем на 6,85 доллара в день. Это не «бедность» в западном понимании — невозможность купить новый смартфон или съездить в отпуск. Это *абсолютная* бедность, когда человек не может гарантировать себе ежедневное питание, доступ к чистой воде, базовую медицинскую помощь и крышу над головой, которая не протекает.

Около 700 миллионов человек — почти 9% населения мира — живут в *крайней* бедности, менее чем на 2,15 доллара в день. Это означает, что они ежедневно стоят перед выбором: купить хлеб или купить лекарство; заплатить за воду или за электричество; отправить ребёнка в школу или заставить его работать, чтобы семья не умерла с голоду. Каждый день они

выбирают, кому сегодня достанется скудная порция риса, а кто ляжет спать с пустым желудком.

Каждую минуту в мире от голода и связанных с ним болезней умирает 11 детей. Не за день. Не за месяц. За минуту. Пока вы читаете эту главу — а на это уйдёт около получаса — умрут ещё около 330 детей. Триста тридцать. Каждый из них мог бы жить. Каждый из них имел право на жизнь, которую мы так легко воспринимаем как должное. Но они умирают не от природного голода — производство продовольствия в мире более чем достаточно, чтобы накормить 10 миллиардов человек. Они умирают от того, что еда не доходит до них. От того, что она лежит на складах, гниёт на полях, выбрасывается супермаркетами — или просто удерживается в руках тех, кто продаёт её по ценам, недоступным для бедных.

А теперь посмотрим на другую сторону медали. Forbes и Oxfam регулярно публикуют данные о концентрации мирового богатства. В 2024 году 300 самых богатых людей планеты владели состоянием, превышающим совокупное благосостояние 4 миллиардов человек — то есть половины человечества. Эти 300 человек — не абстракция, их можно перечислить поимённо, они сидят на сценах мировых форумов, дают интервью, обсуждают «благотворительность» и «ответственное инвестирование». Их состояние измеряется триллионами долларов. А где-то в Африке, Азии, Южной Америке, даже в самом сердце Европы и Северной Америки — да, бедность существует и там — люди умирают от того, что

не могут заплатить 5 долларов за дозу инсулина или 10 долларов за противомаларийные препараты.

Это не просто статистика. Это зеркало, в которое мы боимся смотреть.

Когда я говорю эти цифры на лекциях или в разговорах, я всегда вижу одну и ту же реакцию: люди отворачиваются. Они говорят: «Ну, это сложный вопрос», «Это политика», «Так всегда было». Они переводят взгляд на свой телефон, на свою чашку кофе, на свои проблемы с ипотекой. Я понимаю их. Я сам так делал. Потому что когда ты осознаёшь масштаб, ты либо сходишь с ума от бессилия, либо начинаешь искать решения. Большинство выбирают первое — защитное оцепенение.

Но эта книга — для тех, кто готов выбрать второе.

1.2. Бедность как болезнь: симптомы и механизмы распространения

Сравнение бедности с эпидемией — не метафора. Это точное описание того, как работает этот феномен. Бедность имеет все признаки заразной, хронической, системной болезни.

Первое: она передаётся по наследству. Ребёнок, родившийся в бедной семье, с вероятностью более 90% останется бедным во взрослой жизни. Это не генетика — это социальная наследственность. Он недоедает в детстве — и его мозг не развивается в полной мере, его когнитивные способности снижены, он хуже учится в школе, он не получает каче-

ственного образования, он не может конкурировать на рынке труда. Его родители не могут дать ему «социальный капитал» — связи, знакомства, знания о том, как устроен мир. Он вырастает с психикой, сформированной стрессом и неуверенностью, он не умеет планировать долгосрочно, потому что его жизнь — это всегда борьба за сегодняшний день. И этот круг разрывается только в одном случае: если происходит внешнее вмешательство. Но система, которая называется «свободным рынком», не вмешивается. Она наблюдает. Она позволяет.

Второе: она имеет «инкубационный период» и «фазы обострения». Человек не становится бедным в одночасье — хотя кризисы, войны, болезни могут сделать его бедным мгновенно. Обычно бедность накапливается: сначала человек перестаёт откладывать деньги, потом у него накапливаются долги, потом он теряет работу, потом его выселяют из квартиры. И на каждом этапе общество говорит ему: «Ты сам виноват. Ты не старался. Ты не достаточно квалифицирован. Ты не достаточно гибок». Это как говорить больному раком: «Ты сам виноват, что заболел, надо было лучше питаться и не курить». Да, образ жизни влияет — но не он определяет всё.

Третье: она поражает целые сообщества и даже страны. Бедность — это региональное явление. Она концентрируется в определённых географических зонах — в странах, которые когда-то были колониями, в регионах, где происходили

войны, в местах, где ресурсы были выкачаны до дна. Но она также проникает в «богатые» страны — в депрессивные регионы, в городские гетто, в сельские поселения, где нет работы и нет будущего. Она оставляет за собой пустыни — социальные пустыни, где люди живут без надежды, без школ, без больниц, без полиции, без государства.

Четвёртое: у неё есть «иммунитет» — и этот иммунитет называется «индивидуализм». Когда общество приучено видеть в бедности исключительно личную неудачу, оно перестаёт помогать. Оно говорит: «Я не дам милостыню, потому что он пропьёт». Оно говорит: «Я не хочу платить налоги на социальные программы, потому что это поощряет лень». Оно говорит: «Пусть сами выкарабкиваются». Это и есть иммунитет эпидемии — идеология, которая оправдывает бездействие. И этот иммунитет поддерживается мощной пропагандистской машиной — СМИ, политиками, экспертами, которые называют «ответственностью» то, что на самом деле является жестокостью.

1.3. Ребёнок в пять лет, который знает, что без милостыни семья не поест

Я хочу, чтобы вы на минуту закрыли глаза. Представьте себе ребёнка. Ему пять лет. Он ещё не понимает, что такое экономика, что такое инфляция, что такое безработица. Но он уже понимает, что сегодня мама не улыбалась. Он уже знает, что вчера вечером они ели только рис и что риса осталось на одну миску. Он уже видел, как мама считает монеты

в старой жестяной банке. Он уже научился не просить сладкого. Он уже научился терпеливо ждать, пока мама решит, кому достанется последний кусок хлеба — ему или младшей сестре.

В пять лет он не знает, что такое «завтра». Но он знает, что завтра может быть плохо. Он чувствует это по тому, как сжимаются пальцы матери на его руке. Он чувствует это по запаху горелого риса, когда они пытаются сэкономить газ. Он чувствует это по тому, что отец ушёл и не вернулся — потому что не выдержал, потому что уехал искать работу в другом городе, потому что иногда вернётся с деньгами, а иногда не вернётся несколько месяцев.

В пять лет он уже знает, что просить милостыню — это стыдно. Но он видит, как другие дети просят, и получают монетки, и приносят домой хлеб. И он стоит на углу улицы, опустив глаза, протягивая маленькую ладонь, и думает: «Я делаю это для мамы. Я делаю это для сестры». Он не знает, что такое «достоинство» — в его возрасте это слово слишком сложное. Но он уже знает, что иногда ему стыдно смотреть в глаза прохожим, потому что он просит, а они отворачиваются.

Этот ребёнок не виноват. Он не выбирал, где родиться. Он не выбирал своих родителей. Он не выбирал экономическую систему, которая превратила его семью в попрошачек. Но именно ему суждено платить по счетам — всем счетам, которые выставила история, колониализм, войны, кор-

рупция, мировой капитал.

Я часто думаю об этом ребёнке. Я вижу его лицо, когда захожу в трущобы Калькутты, когда прохожу мимо цыганских таборов в Европе, когда вижу фотографии из лагерей беженцев. Он всегда смотрит на меня большими, взрослыми, недетскими глазами. И он говорит мне — молча, одними глазами: «Ты взрослый. Ты можешь что-то сделать. Почему ты ничего не делаешь?»

Как я могу ему ответить? Сказать, что это сложно? Сказать, что я один ничего не могу? Сказать, что так устроен мир? Нет. Я не могу сказать ему этого. Потому что это ложь. Мир устроен так, как мы его устраиваем. И мы можем устроить его иначе.

1.4. Мать, выбирающая между лекарством для сына и хлебом для остальных детей

А теперь — другая картина. Женщина. Ей, может быть, тридцать пять, но выглядит она на пятьдесят — потому что жизнь выжигает лицо, потому что постоянный стресс, потому что она спит по четыре часа, потому что она давно забыла, что такое уход за собой. У неё четверо детей. Муж — либо умер, либо бросил, либо сидит в тюрьме. Она работает, где придётся: уборщицей, продавщицей, на фабрике, если повезёт, или просто стирает чужие вещи и готовит еду для чужих семей, чтобы принести домой несколько долларов.

Один из её детей заболел. Не чем-то смертельным — обычно это обычная инфекция, которая в богатой стране

лечится за один визит к врачу и пачкой антибиотиков. Но здесь, в бедности, эта инфекция становится угрозой жизни. Температура не спадает, ребёнок стонет, бредит, не может есть. Мать знает: в местной клинике лекарства есть, но они платные. Или их можно получить бесплатно, но только через неделю, по записи, если принести справки. А через неделю может быть поздно.

У неё есть немного денег — на хлеб и рис для всей семьи на три дня. Или на лекарство для больного сына. Она не может совместить: денег хватит только на что-то одно. Если она купит лекарство — остальные дети будут голодать. Если она купит еду — сын может умереть.

Она сидит ночью, перебирая в голове варианты, потому что не может спать. Она просит у соседей, у родственников — никто не может помочь, у всех всё в долг. Она плачет в подушку, чтобы дети не слышали. Она молится — если она верующая. И она принимает решение. Какое бы решение она ни приняла, оно будет неправильным. Оно будет преступлением против кого-то из её детей. И она будет жить с этим чувством вины до конца своих дней — даже если выживут все, даже если чудом удастся найти деньги.

Это не кино. Это не вымысел. Это происходит каждый день в миллионах домов по всему миру. И когда кто-то говорит о «рыночных механизмах» или об «эффективности распределения ресурсов», я хочу посадить этого человека за стол к этой матери. Я хочу, чтобы он посмотрел ей в глаза. Я

хочу, чтобы он попытался сказать ей: «Извините, но у нас нет на вас бюджета. Вам нужно подождать. Вам нужно работать больше. Вам нужно быть эффективнее». Я хочу посмотреть, как у него повернётся язык.

1.5. Бедность как система, а не как случайность

Самое главное заблуждение, которое нам навязывают десятилетиями, — это идея о том, что бедность является случайностью, природным явлением, неизбежным побочным продуктом человеческой цивилизации. Нам говорят: «Всегда были богатые и бедные. Это естественно. Это закон природы». Но это ложь. Бедность — не природное явление, а социальное. Она не является «естественным отбором». Она является результатом сознательных решений, принимаемых людьми — и эти решения можно изменить.

Давайте рассмотрим механизмы, с помощью которых бедность создаётся и воспроизводится.

Первый механизм: колониальное наследие. Большая часть современного неравенства между странами — это прямое следствие колониализма. Европейские державы столетиями вывозили ресурсы, рабочую силу, культурные артефакты из Африки, Азии, Америки. Они разрушали местные экономики, насаждали монокультуры, создавали системы управления, ориентированные на экспорт сырья, а не на внутреннее развитие. После деколонизации эти страны остались с искусственными границами, слабыми институтами, разрушенной социальной тканью и огромными долгами перед теми же

бывшими колонизаторами. Это не «история» — это настоящее, которое продолжается. Долги, которые платят развивающиеся страны, превышают все виды помощи, которые они получают.

Второй механизм: международные финансовые институты. МВФ, Всемирный банк, ВТО — эти организации, созданные после Второй мировой войны, формально призваны помогать развитию. Но реально они навязывают странам программы «структурной перестройки», которые предписывают: сократить социальные расходы, приватизировать государственные предприятия, открыть рынки для иностранного капитала, либерализовать цены на продовольствие. Результат: бедные становятся ещё беднее, богатые — богаче. Школьные обеды отменяются, больницы закрываются, фермеры разоряются из-за дешёвого импорта, поддерживаемого субсидиями в богатых странах.

Третий механизм: налоговая политика. Крупные корпорации и сверхбогатые люди используют офшоры, налоговые убежища, юридические лазейки, чтобы не платить налоги там, где они зарабатывают деньги. Оценки показывают, что ежегодно страны теряют сотни миллиардов долларов из-за налоговой оптимизации. Эти деньги могли бы пойти на образование, здравоохранение, инфраструктуру — но они остаются в карманах тех, у кого и так больше, чем достаточно. И это узаконено, это называется «умным налоговым планированием», это хвалят бизнес-школы.

Четвёртый механизм: спекуляция и финансовые пузыри. Мировая экономика — это не столько производство товаров и услуг, сколько игра с производными финансовыми инструментами, деривативами, акциями, облигациями. Биржевой трейдер может заработать за день больше, чем целая африканская деревня за год. Но эти деньги не создают новых рабочих мест, не строят больницы, не кормят голодных. Они просто циркулируют в закрытой системе, увеличивая разрыв.

Пятый механизм: милитаризация. На военные расходы в мире уходит около 2 триллионов долларов в год — больше, чем на здравоохранение и образование вместе взятые во всех развивающихся странах. Эти деньги производят оружие, которое убивает людей, разрушает инфраструктуру, создаёт новые потоки беженцев. Если бы хотя бы половина этих денег была направлена на социальные программы, мировую бедность можно было бы ликвидировать за десять лет.

Когда я перечисляю эти механизмы, я не говорю о «заговоре». Заговоры — это упрощение. На самом деле, это системный сбой, который выгоден небольшой группе людей, и который они активно поддерживают, не всегда осознавая, что делают. Это как экологический кризис — каждый продолжает выбрасывать мусор, потому что так удобно, но вместе мы уничтожаем планету. Так же и с бедностью — каждый продолжает следовать правилам системы, потому что «так работают рынки», но вместе мы создаём ад для трёх милли-

ардов человек.

1.6. Нравственный провал цивилизации

Когда я слышу, как политики рассуждают о «борьбе с бедностью» в терминах эффективности, бюджета, целевых показателей, я хочу закричать. Борьба с бедностью — это не вопрос бюджета. Это вопрос совести. Это вопрос того, кто мы есть как вид.

Мы, люди, объявили себя «цивилизацией». Мы гордимся тем, что построили города, создали искусство, проникли в космос, расшифровали геном. Но в этом же мире, на этой же планете, в этом же времени дети умирают от голода, а матери выбирают, кто умрёт — сын от болезни или остальные от голода. И мы называем это «прогрессом»? Мы называем это «цивилизацией»?

Нравственный провал современной цивилизации заключается не в том, что мы не можем решить проблему. Мы можем. У нас есть технологии, ресурсы, знания. Нравственный провал в том, что мы *не хотим* её решать. Нам удобнее, чтобы бедность существовала. Потому что она пугает нас — и страх делает нас послушными. Она даёт нам ощущение собственной значимости — я не беден, значит, я лучше. Она даёт нам дешёвую рабочую силу — кто-то должен мыть туалеты, кто-то должен собирать клубнику, кто-то должен работать за минималку.

Бедность — это анестезия для совести богатых. Она позволяет им думать: «Я не виноват, что у них так. Я всего лишь

пользуюсь рыночными механизмами. Я не создавал эту систему. Я просто в ней живу». Но когда ты живёшь в системе, которая производит голод как побочный продукт, и ты не пытаешься её изменить, — ты становишься соучастником.

Я не призываю к чувству вины. Вина парализует. Я призываю к ответственности. Ответственность не требует самобичевания — она требует действий. Она требует признать: «Да, я часть этой системы. Но я могу стать частью её изменения».

1.7. Почему бедность не исчезает сама собой

Противники системных изменений часто говорят: «Рынок со временем всё выровняет. Экономический рост в конечном счёте поднимет всех. Бедность уменьшается — посмотрите на Китай, на Индию». Да, за последние тридцать лет число людей, живущих в крайней бедности, сократилось — но это произошло в основном за счёт Китая, где государство целенаправленно проводило политику подъёма. В остальном мире прогресс остановился, а в некоторых регионах — Африка южнее Сахары — бедность растёт.

Более того, сама структура бедности меняется. Она становится более «замаскированной» в богатых странах. В США, в Европе, в России миллионы людей работают полный рабочий день, но всё равно не могут свести концы с концами. Они называются «working poor» — работающие бедные. Они имеют работу, но их зарплата не позволяет им оплачивать жильё, еду, медицинскую страховку, образование детей.

Они в долгах, они зависят от кредитных карт, они в одном несчастном случае от полного краха. Они не голодают в прямом смысле — но они живут в постоянном страхе. И этот страх не менее разрушителен, чем физический голод.

Экономический рост сам по себе не решает проблему неравенства. Наоборот, исторические данные показывают, что в периоды быстрого роста неравенство часто усиливается. Богатые становятся богаче быстрее, чем бедные — потому что у них есть капитал, который работает на них. Бедные же получают лишь малую долю прироста. Это называется «эффект Мэттью» — кто имеет, тому прибавится, а у кого нет, отнимется и то, что имеет.

Поэтому надежда на «автоматическое» решение — это самообман. Бедность нужно активно искоренять. Это требует политической воли, перераспределения, изменения правил игры. Этого не случится, пока мы верим в миф о том, что рынок исправит всё сам.

1.8. От статистики к человеку: личные истории, которые меняют сознание

В этой книге я буду приводить много цифр. Но я не хочу, чтобы вы запомнили их как абстракцию. Я хочу, чтобы за каждой цифрой вы видели лицо. Поэтому я хочу закончить эту главу несколькими историями — они реальны, имена изменены, но душа осталась.

История Мариам из Сомали. Ей 27 лет, она вдова, у неё трое детей. Она живёт в лагере для перемещённых лиц за

пределами Могаддишо. Её дневной рацион: горсть кукурузной муки, немного воды, если повезёт — несколько листьев капусты. Она не знает, когда будет следующий раз, когда они поедят досыта. Её старший сын, 10 лет, работает на свалке, собирает пластик, чтобы продать переработчикам. Он зарабатывает 50 центов в день. Мариам говорит: «Я хочу, чтобы мои дети не знали, что такое голод. Но я не могу этого дать им. Я чувствую себя плохой матерью, хотя я отдаю им всё, что у меня есть».

История Хорхе из Мексики. Ему 48 лет, он работал на фабрике 20 лет. Потом фабрику закрыли — перенесли производство в Китай. Он не может найти работу — его квалификация никому не нужна. Он продаёт сладости на рынке, но доход мизерный. Его жена умерла от диабета, потому что они не могли позволить себе лекарства. Его дочь бросила школу, чтобы работать официанткой. Он говорит: «Я сделал всё, как учили: учился, работал, не пил, не воровал. А сейчас я — никто. Я — использованный материал. Они выбросили меня, как пустую бутылку».

История Елены из России. Ей 65 лет, она на пенсии. Пенсия едва покрывает квартплату и самые дешёвые продукты. Она не покупает лекарства, хотя у неё гипертония и артрит. Она не отапливает квартиру зимой — экономит на отоплении, сидит в пальто и трёх свитерах. Она говорит: «Я всю жизнь работала, растила сына, строила страну. А теперь я никому не нужна. Я боюсь зимы. Я боюсь, что не доживу до

весны. Но я ещё больше боюсь, что если заболею, никто не придёт, и я умру одна в этой холодной квартире».

Эти люди — не «статистика». Они — часть нашей общей человечности. Их боль — наша боль, даже если мы её не чувствуем. Но если мы не чувствуем, мы не люди.

Бедность — это не экономическая проблема. Это экзистенциальная проблема. Это проблема смысла. Мы, человечество, производим достаточно, чтобы все могли жить. Но мы не распределяем это. И каждый день, когда ребёнок умирает от голода, когда старик мёрзнет в своей квартире, когда мать выбирает между лекарством и хлебом, — мы совершаем коллективное убийство. Медленное, молчаливое, оправданное «законами рынка».

Я не хочу больше быть соучастником этого. И я знаю, что вы не хотите. Поэтому мы будем искать решения. Мы будем строить учение, которое говорит: три выплаты в день — это не подачка, это восстановление справедливости. Это возвращение украденного достоинства. Это признание того, что каждый человек имеет право на жизнь, и это право не может быть отчуждено рынком.

1.9. Выводы: от диагноза к лечению

Итак, мы закончили первую главу. Мы посмотрели правде в глаза. Мы увидели масштаб тотальной бедности, её механизмы, её психологические и нравственные последствия. Мы поняли, что бедность не является естественным явлением, а создаётся и воспроизводится системой. Мы осознали,

что мы — часть этой системы, и что только наша воля может изменить её.

Но диагноз — это только начало. Как врач, поставив диагноз, переходит к лечению, так и мы перейдём от анализа к решению. Следующая глава будет о том, как страх завтра превращает человека в тюремщика самого себя. Мы разберём, как страх формирует нашу психологию, наше поведение, нашу культуру. И мы подготовим почву для ответа: три выплаты в день как ключ, который открывает клетку.

Пока же запомните главное: бедность — это не судьба. Это выбор. И мы можем выбрать другое. Мы можем выбрать мир, где никто не голодает, никто не мёрзнет, никто не умирает от отсутствия лекарств. Мы можем выбрать мир, где каждый ребёнок просыпается с улыбкой, потому что знает: сегодня будет еда. Мы можем выбрать мир, где мать не стоит перед выбором между лекарством и хлебом. Мы можем выбрать мир, где старик умирает не в холоде и одиночестве, а в тепле и с достоинством.

Этот мир возможен. Он уже близок. Он начинается здесь — с осознания. С возмущения. С действия. Три выплаты в день — это не утопия. Это план. И мы начнём разворачивать его на следующих страницах.

В следующей главе: как страх завтрашнего дня становится экзистенциальной тюрьмой, лишая человека свободы, творчества и человеческого достоинства. Мы разберёмся, почему неопределённость будущего — это самый страш-

ный враг человеческого духа, и как мы дали этому врагу власть над собой.

ГЛАВА 2. СТРАХ ЗАВТРА КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ТЮРЬМА

2.1. Невидимая клетка: что такое страх завтра

Мы продолжаем наш диагноз. Первая глава показала нам внешний, объективный слой реальности: цифры, факты, механизмы бедности. Но есть ещё слой внутренний, субъективный. И он, возможно, страшнее, чем статистика. Потому что он живёт в каждом из нас, независимо от того, насколько мы обеспечены.

Что такое «страх завтра»? Это не просто тревога. Это не просто беспокойство о делах. Это экзистенциальное состояние, при котором будущее воспринимается не как пространство возможностей, а как угроза. Это когда ты смотришь вперёд и видишь не горизонт, а пропасть. Это когда каждая мысль о завтрашнем дне окрашена в серые, тревожные тона. Это когда планирование на месяц вперёд кажется роскошью, а на год — невозможной фантазией.

Я часто думаю о том, чем отличается жизнь человека, который не боится завтра, от жизни того, кто боится. Первый просыпается — и его первая мысль: «Что я хочу сегодня сделать?» Второй просыпается — и его первая мысль: «Что мне сегодня нужно пережить?» Первый смотрит в будущее как на друга, который принесёт подарки. Второй смотрит в бу-

дущее как на врага, который принесёт новые удары.

Страх завтра — это клетка, которой мы сами себя окружили. Но, как в известной притче, мы не видим прутьев. Мы ощущаем только их холод, когда пытаемся двинуться в сторону свободы.

Этот страх питается двумя основными источниками. Первый — материальная неопределённость. Я не знаю, будет ли у меня еда завтра. Я не знаю, смогу ли я заплатить за квартиру в следующем месяце. Я не знаю, что будет, если я заболēju. Я не знаю, хватит ли моей пенсии до конца жизни. Эта неопределённость — не абстрактная, она конкретна, она осязаема, она проверяется каждый день в магазине, когда ты смотришь на ценники и пересчитываешь в уме, что можешь позволить себе.

Второй источник — социальная неопределённость. Я не знаю, каким будет мой статус завтра. Сохраню ли я работу? Будет ли уважать меня семья? Не стану ли я изгоем, если потеряю всё? Это страх унижения, страх потери лица, страх оказаться «неудачником». И этот страх часто сильнее, чем страх голода, потому что он бьёт по самой сердцевине нашего «я».

Но есть и третий, более глубокий слой. Это онтологический страх — страх перед самой структурой бытия, перед тем, что мир не имеет гарантий, что всё может рухнуть в любую минуту, что мы не контролируем свою судьбу. Философы называют это «экзистенциальной тревогой». Но в повсе-

дневной жизни мы её почти не осознаём — мы прячемся от неё в работе, в развлечениях, в суете. А когда наступает тишина — ночью, перед сном, — она приходит и садится у изголовья.

2.2. Философы о страхе: от Кьеркегора до Сартра

Страх — не новое изобретение человечества. О нём размышляли мудрецы всех времён и народов. И если мы хотим понять его природу, нам стоит обратиться к тем, кто думал об этом глубже всех.

Сёрен Кьеркегор, датский философ XIX века, называл страх «головокружением свободы». Он говорил, что человек боится не конкретных вещей, а бесконечных возможностей, которые перед ним открываются. Мы не знаем, что мы выберем, не знаем, какой путь будет правильным, и этот выбор нас пугает. Но ключевое различие, которое проводит Кьеркегор: страх перед свободой — это страх перед *возможностью*, а страх перед завтрашним днём — это страх перед *необходимостью*. Первый возвышает человека, второй — уничтожает. В современном мире мы потеряли благородный страх свободы и остались с низким, приземлённым страхом выживания.

Мартин Хайдеггер, мыслитель XX века, анализировал страх (или «ужас», как он его называл) в фундаментальном, онтологическом смысле. Для Хайдеггера ужас — это состояние, в котором человек вдруг осознаёт свою «заброшенность» в мир, свою смертность, отсутствие гарантированно-

го смысла. Ужас обнажает нашу экзистенциальную пустоту. Но Хайдеггер видел в ужасе не только разрушение, но и возможность: именно в ужасе человек может обрести подлинность, перестав прятаться за повседневными заботами. Однако в современном мире мы не доходим до этого экзистенциального ужаса — мы застреваем на уровне страха за хлеб насущный, который, по Хайдеггеру, есть лишь поверхностная, «онтическая» тревога.

Жан-Поль Сартр пошёл дальше. Он утверждал, что человек «обречён быть свободным» — и эта свобода ужасает. Мы сами создаём себя, и вся ответственность лежит на нас. Но что происходит, когда свобода подменяется принуждением, когда человек не может выбирать, потому что его выборы — это лишь борьба за выживание? Тогда свобода превращается в насмешку. Сартр писал о «дурной вере» — самообмане, когда человек отказывается от своей свободы, притворяясь, что он — всего лишь объект, которым управляют обстоятельства. Современный человек, живущий в страхе завтра, — это классический случай дурной веры. Он говорит себе: «Я ничего не могу поделать, такая жизнь», — и тем самым предаёт свою человеческую сущность.

Что общего у этих трёх мыслителей? Они все видят в страхе не просто эмоцию, а фундаментальную категорию человеческого существования. Они видят, что страх может как уничтожать, так и освобождать. Но для того, чтобы страх стал освобождающим, нужно, чтобы он не был связан с фи-

зическим выживанием. Нужно, чтобы базовые потребности были удовлетворены. Когда ты боишься, что умрёшь с голоду, нет места для экзистенциального поиска. Ты находишься на уровне животного, а не человека.

Именно это — великая трагедия современной цивилизации. Мы превратили миллиарды людей в животных, озабоченных только едой и кровом. Мы лишили их возможности столкнуться с настоящим, освобождающим страхом, который рождает философию, искусство, смысл.

2.3. Конструирование страха: как система делает нас рабами

Если страх — это не просто «естественная» реакция, а продукт социальной конструкции, то мы должны задать вопрос: как именно система его создаёт и поддерживает?

Начнём с самого очевидного: рынок труда. В современной экономике большинство людей продают свою рабочую силу. У них нет других источников дохода. Они зависят от работодателя, который может уволить их в любой момент. Эта зависимость создаёт постоянное напряжение: я должен быть угодным, я должен не опаздывать, я должен выполнять любые поручения, я должен соглашаться на переработки, потому что завтра меня могут заменить. Система «гибкого рынка труда» на самом деле означает, что работник всегда находится под дамокловым мечом безработицы. Это не рынок — это площадка для психологического террора.

Долговая экономика — второй мощный инструмент стра-

ха. Ипотека, автокредит, студенческий кредит, кредитные карты — всё это привязывает человека к системе. Он не может уволиться, не может переехать, не может рискнуть, потому что у него есть обязательства. Долг — это не финансовый инструмент. Это поводок. Банки знают это: они дают кредиты как раз тем, кто потом будет бояться их не отдать. И миллиарды людей работают не для того, чтобы жить, а для того, чтобы отдавать долги.

Страхование — ещё один механизм. Ирония в том, что страхование должно уменьшать страх, но в реальности оно его усиливает. Потому что страховка — это напоминание о рисках. Ты покупаешь медицинскую страховку, потому что боишься заболеть. Ты страхуешь машину, потому что боишься аварии. Ты страхуешь жизнь, потому что боишься смерти. И каждый раз, когда ты платишь взнос, ты подтверждаешь: мир опасен, и я должен платить за защиту.

Но самый глубокий механизм — это культура успеха. Нам внушают, что каждый человек сам кузнец своего счастья, что если ты беден — ты недостаточно старался, что богатые заслужили своё богатство, а бедные заслужили свою бедность. Это внушение создаёт страх неудачи как главный страх современного человека. Мы боимся не только голода — мы боимся позора. Мы боимся оказаться «неудачниками» в глазах окружающих. Мы боимся, что нас осудят, что нас не примут, что нас выкинут из социального круга. И этот страх заставляет нас бежать быстрее, работать больше, тратить больше

на поддержание статуса — и всё это, как белка в колесе, не приводит ни к чему, кроме истощения.

В итоге мы получаем порочный круг: система создаёт неопределённость, неопределённость рождает страх, страх делает нас послушными и управляемыми, а послушание укрепляет систему. Это идеальная тюрьма, у которой нет стен.

2.4. Страх перед будущим как орудие управления

Исторически контроль над массами всегда осуществлялся через страх. Религии пугали адом. Монархи — казнями. Диктаторы — репрессиями. Но современная демократия и капитализм изобрели более тонкий инструмент: страх перед завтрашним днём, который маскируется под «естественный порядок вещей».

Когда ты боишься завтра, ты не можешь бунтовать. Ты не можешь выйти на улицу, потому что если тебя уволят, ты не сможешь платить за квартиру. Ты не можешь требовать повышения зарплаты, потому что на твоё место есть десять таких же. Ты не можешь менять работу, потому что на новой ты будешь «испытательный срок» и потеряешь стабильность. Ты не можешь думать о политике, потому что у тебя нет времени и сил — ты слишком занят выживанием.

Это называется «политика страха», и она работает блестяще. Политики используют её постоянно: они пугают нас терроризмом, чтобы мы соглашались на ограничение свобод; они пугают нас мигрантами, чтобы мы голосовали за нацио-

налистов; они пугают нас экономическим кризисом, чтобы мы поддерживали жёсткую экономию. Но главный страх, который они культивируют, — это страх завтрашнего дня как персональная, индивидуальная проблема, которую каждый должен решать сам.

Когда страх атомизирован, когда каждый боится за себя, солидарность исчезает. Вместо того чтобы объединяться, мы замыкаемся. Вместо того чтобы помогать друг другу, мы конкурируем. Вместо того чтобы менять систему, мы пытаемся в ней выжить. Это и есть главная цель системы страха: сделать нас одинокими, разобщёнными, управляемыми.

Но здесь кроется и главная слабость системы. Страх, который нас разобщает, также является нашим общим опытом. Миллиарды людей боятся одного и того же. Если они осознают, что их страх имеет общий корень, они могут объединиться. Книга RemVoVo, которую мы берём за основу, — это как раз такой акт осознания. Она говорит: «Вы боитесь не потому, что вы слабые. Вы боитесь, потому что система построена на вашем страхе. Но вы — миллиарды. И вы можете её изменить».

2.5. Как страх убивает творчество, мышление, человечность

Страх — не просто эмоциональное состояние. Он имеет конкретные, измеримые последствия для мозга, психики, личности. И эти последствия разрушительны.

Нейробиология страха. Когда мы испытываем страх, ак-

тивируется миндалевидное тело — часть мозга, отвечающая за реакции «бей или беги». Выделяются гормоны стресса — кортизол, адреналин. Если страх хронический, эти гормоны постоянно циркулируют в крови, разрушая организм: они подавляют иммунитет, повреждают сосуды, ухудшают память, сокращают жизнь. Но самое важное: они отключают префронтальную кору — ту часть мозга, которая отвечает за планирование, творчество, абстрактное мышление. Когда ты в страхе, ты не можешь думать. Ты не можешь творить. Ты можешь только реагировать.

Когнитивные искажения. Страх сужает фокус внимания. Мы становимся «туннельными» — видим только угрозы, не видим возможностей. Мы перестаём замечать красоту мира, радость общения, смысл жизни. Мы концентрируемся на выживании, и всё остальное становится второстепенным. Это делает нас не только несчастными, но и менее эффективными в решении проблем — потому что решение проблем требует широкого взгляда.

Социальная деградация. Когда человек напуган, он становится эгоистичным. Он меньше помогает другим, меньше сопереживает, больше подозревает. Это естественная реакция на опасность — но она разрушает социальные связи. В обществах с высоким уровнем страха уменьшается доверие, растёт преступность, распадаются семьи. Напуганное общество — это общество одиночек, которые боятся друг друга.

Творческая импотенция. Все великие открытия, все ше-

девро искусства, все философские прорывы — они рождались не в условиях страха, а в условиях безопасности. Леонардо да Винчи не думал о том, чем накормит детей, когда рисовал «Мону Лизу». Эйнштейн не волновался об оплате аренды, когда разрабатывал теорию относительности. Моцарт не считал копейки до зарплаты, когда сочинял симфонии. Не потому что они были богаты — многие из них испытывали финансовые трудности, но они не жили в *хроническом* страхе выживания. У них было пространство для творчества, потому что их базовые потребности были в основном удовлетворены или они жили в обществах, где была социальная поддержка.

Мы убиваем гениев в зародыше, когда заставляем их бояться. Мы убиваем поэтов, когда они вынуждены работать на трёх работах, чтобы прокормить семью. Мы убиваем учёных, когда они должны тратить время на написание грантов, а не на размышления. Страх завтра — это не просто личная трагедия, это коллективное обеднение всего человечества.

2.6. Страх как стирание будущего

В одном из своих эссе философ Гюнтер Андерс писал, что современный человек потерял «способность представлять будущее». Мы можем фантазировать о технологиях, о космосе, о новых гаджетах, но мы не можем представить себе общество, где нет нищеты, где нет войн, где каждый человек может реализовать свой потенциал. Наше воображение атрофировано страхом.

Когда мы боимся завтра, мы не планируем дальше, чем на неделю. Мы не строим долгосрочных целей. Мы не инвестируем в будущее. Мы живём в режиме «здесь и сейчас», но это не буддистское осознанное присутствие — это отчаянное цепляние за каждый миг выживания. И это убивает саму идею будущего как чего-то лучшего. Будущее становится не обещанием, а угрозой.

В этом смысле страх завтра — это форма коллективной депрессии. Депрессия, как известно, — это не просто грусть, а потеря способности представлять будущее. Человек в депрессии не может увидеть, что завтра может быть лучше. Общество, живущее в страхе, тоже не может. Поэтому политики, которые говорят нам о «светлом будущем», звучат фальшиво. Мы им не верим, потому что наша повседневная реальность — это борьба, а не строительство.

Ирония в том, что мы никогда не были так богаты, как сейчас. Никогда ещё не было столько технологических возможностей, столько продовольствия, столько лекарств. Но мы никогда ещё так сильно не боялись. Этот парадокс — разрыв между объективным изобилием и субъективным страхом — является главным свидетельством того, что страх создаётся искусственно. Если бы он был «естественным», он бы уменьшался с ростом богатства. Но он растёт. Значит, это система.

2.7. История Лидии: страх как повседневная реальность

Я хочу рассказать вам историю Лидии. Ей 42 года, она

живёт в небольшом городе, работает бухгалтером в средней фирме. У неё есть муж и двое детей. Они не бедны — у них есть квартира, машина, они раз в год ездят на море. Но Лидия постоянно боится.

Она боится, что мужа уволят — он работает в частной компании, и там часто сокращают. Она боится, что дети заболеют — лечение платное, а страховка покрывает не всё. Она боится, что подорожают коммунальные услуги — они и так тратят на них почти половину бюджета. Она боится, что что-то случится с машиной — ремонт обойдётся в несколько зарплат. Она боится старости — пенсия будет мизерной. Она боится, что её родители состарятся и им понадобится уход — у неё нет на это ни времени, ни денег.

Лидия не спит по ночам. Она прокручивает в голове варианты развития событий. Что если она потеряет работу? Что если муж заболеет? Что если дети не поступят в университет? Что если... что если... что если... Она принимает успокоительные, чтобы заснуть. Она иногда срывается на мужа и детей, потому что нервы на пределе. Она уже забыла, когда последний раз смеялась искренне, когда последний раз занималась тем, что ей нравится, когда последний раз смотрела на мир без чувства тяжести в груди.

Лидия — не бедняк в статистическом смысле. Она «средний класс». Но она не свободна. Она — рабыня своего страха. И в этом смысле она представляет миллионы, десятки миллионов людей в развитых странах. Их страх не физиче-

ский голод, но он не менее разрушителен. Он убивает их жизнь — день за днём, год за годом, превращая существование в сплошное напряжение.

Когда я говорю о тринадцати выплатах в день, Лидия — одна из тех, для кого это имеет значение. Потому что три выплаты снимут с неё груз ежедневной неопределённости. Она перестанет бояться подорожания коммунальных услуг — потому что это покрыто. Она перестанет бояться лекарств для детей — потому что они доступны. Она перестанет бояться, что завтра всё рухнет, — потому что завтра, как и сегодня, придёт выплата. Это не сделает её богатой. Но это сделает её *свободной*. Свободной для жизни, для любви, для творчества, для того, чтобы быть настоящей матерью, настоящей женой, настоящим человеком.

2.8. Освобождение от страха как экзистенциальная задача

Страх завтра — это не просто проблема, которую нужно решить. Это вызов, который нужно принять. Это приглашение к экзистенциальному перевороту.

Когда я говорю о тринадцати выплатах, я не просто говорю о деньгах. Я говорю о создании таких условий, в которых страх перед будущим перестаёт быть доминирующей эмоцией. Я говорю о том, чтобы вернуть людям их человечность, их способность быть субъектами, а не объектами истории.

Философы всегда мечтали о человеке, который свободен от страха. Эпикур говорил, что цель философии — избавить нас от страха смерти и страха богов. Стоики учили, что мы

должны контролировать только то, что в нашей власти, и не бояться того, что не зависит от нас. Но всё это — элитарное знание, доступное немногим. Как может быть свободным тот, кто завтра не знает, будет ли он есть? Как может быть спокойным тот, у кого дети голодны?

Три выплаты в день — это практическое, материальное воплощение философской мечты о человеке без страха. Это не отказ от борьбы — это освобождение от борьбы за выживание, чтобы начать настоящую борьбу за смысл. Это не конец проблем — это конец проблемы с базовым существованием. Это начало эры, когда человек может быть философом, художником, учёным, любовником, другом — а не только экономической единицей.

Я верю, что это возможно. Я верю, что мы можем построить мир, где страх завтра исчезнет, как исчезла чума из городов с канализацией. Не потому что люди перестанут умирать, а потому что они перестанут бояться умереть от голода или болезней, которых можно избежать. Не потому что будущее станет предсказуемым, а потому что оно перестанет быть угрозой. Не потому что исчезнут трудности, а потому что у нас появятся силы и время их преодолевать.

2.9. Выводы: страх как симптом, а не причина

Мы закончили вторую главу. Мы поняли, что страх завтра — это не просто эмоция, а фундаментальное состояние современного человека. Мы проследили его философские корни, от Кьеркегора до Сартра, увидели, как система конструи-

ирует и поддерживает этот страх, как он разрушает мозг и психику, как он мешает творчеству и мышлению, как он стирает само представление о будущем.

Главный вывод этой главы: страх — это симптом, а не причина. Причина — в системе, которая создаёт неопределённость и зависимость. И пока мы будем бороться со страхом как с эмоцией (успокоительными, аффирмациями, йогой), мы будем лишь снимать симптомы, но не лечить болезнь. Болезнь называется «отсутствие базовой безопасности». Лечение называется «три выплаты в день».

Страх — это тюрьма, но у этой тюрьмы есть ключ. И этот ключ — не в руках политиков или банкиров. Он в наших руках, когда мы осознаём, что мы — коллективная сила, способная изменить правила игры.

В следующей главе мы перейдём к анализу того, как устроена современная цивилизация с её «дефицитом», почему она производит не только товары, но и страх, и как философия изобилия может заменить философию дефицита. Мы подготовим почву для главной идеи — трёх выплат как новой парадигмы существования.

В следующей главе: «Цивилизация дефицита: как устроен современный мир». Мы разберём, почему в мире такого изобилия мы живём в режиме нехватки, как деньги стали самоцелью, как процентная система перераспределяет богатство от бедных к богатым, и почему 300 сверхбогатых — это не просто цифра, а символ системной несправедли-

востн.

ГЛАВА 3. ЦИВИЛИЗАЦИЯ ДЕФИЦИТА: КАК УСТРОЕН СОВРЕМЕННЫЙ МИР

3.1. Парадокс изобилия: больше ресурсов — больше стра- ха

Мы переходим от анализа внутреннего состояния человека к анализу внешней системы, которая это состояние порождает. И здесь нас ждёт первый, самый поразительный парадокс современности: мы живём в эпоху, когда ресурсов больше, чем когда-либо в истории, но мы же и боимся больше, чем когда-либо.

Никогда ещё планета не производила столько еды. Сельскохозяйственные технологии, генная инженерия, методы хранения и транспортировки позволяют прокормить 10–12 миллиардов человек — а нас «всего» 8. Мы выбрасываем около трети всех производимых продуктов — по оценкам ФАО (продовольственной организации ООН), это примерно 1,3 миллиарда тонн еды в год. Этого количества хватило бы, чтобы накормить всех голодающих дважды. Еда гниёт на складах, выливается в моря, закапывается на свалках, пока в Африке и Азии дети умирают от голода.

Никогда ещё не было столько жилья. В мире пустует более 30 миллионов домов в одних только США; в Европе — де-

сятки миллионов пустующих квартир; в Японии — 8 миллионов домов, оставленных владельцами. В России, по разным оценкам, пустует от 5 до 10 миллионов квадратных метров жилья. И одновременно миллиард людей живёт в трущобах, без нормальной крыши над головой, без канализации, без электричества.

Никогда ещё не было столько лекарств. Фармацевтическая индустрия производит лекарства на триллионы долларов ежегодно. Но миллионы людей умирают от болезней, которые можно вылечить за пару центов — от диареи, от пневмонии, от малярии. Потому что лекарства не доходят до тех, кто не может за них заплатить.

Никогда ещё не было столько энергии. Солнечные, ветряные, гидроэлектростанции, атомные реакторы — мы генерируем энергии больше, чем можем потребить. Но сотни миллионов людей до сих пор живут без электричества, готовят на дровах, дышат дымом, умирают от ожогов и респираторных заболеваний.

Как может быть, что мир, в котором всё есть, является миром, в котором всего не хватает? Это не логическая ошибка природы. Это логическая конструкция системы. Мы живём в цивилизации искусственного дефицита — мире, где нехватка создаётся не ограниченностью ресурсов, а ограниченностью доступа, навязанной правилами, которые мы сами придумали и сами поддерживаем.

3.2. Редкость как идеология: от реальности к конструкции

Для того чтобы понять, как работает цивилизация дефицита, нужно понять её философскую основу. И она называется «принцип редкости» (scarcity).

В экономической теории, начиная с классиков (Адам Смит, Дэвид Рикардо) и заканчивая современными неоклассиками, предполагается, что ресурсы всегда ограничены, а потребности людей всегда безграничны. Поэтому экономика — это искусство распределения ограниченных ресурсов между конкурирующими потребностями. Звучит разумно. Но есть одна проблема: это не соответствует реальности.

Ресурсы не всегда ограничены. Многие ресурсы в изобилии: воздух, вода (в большинстве мест), солнечная энергия, знания. Потребности не всегда безграничны — базовые потребности человека конечны и относительно легко удовлетворяются. Бесконечные потребности — это искусственно созданный феномен, продукт рекламы, маркетинга и социального сравнения.

Но «принцип редкости» оказался невероятно удобным для экономической элиты. Он оправдывает любую цену, любую эксплуатацию, любой отказ в помощи. «Ресурсов нет» — говорят они, когда им нужно отказать в социальной поддержке. «Не хватает бюджета» — говорят они, когда речь идёт о здравоохранении. «Рынок всё расставит» — говорят они, имея в виду: мы оставим всё как есть.

На самом деле, современный мир производит не дефицит, а дефицитный опыт — ощущение нехватки, которое

становится двигателем экономики. Если ты перестаёшь чувствовать нехватку, ты перестаёшь потреблять. Если ты перестаёшь потреблять, экономика рушится. Поэтому система должна постоянно создавать новые потребности, новые желания, новую тревогу о том, что у тебя есть что-то, что скоро кончится.

Вспомните смартфоны. Новые модели выходят каждый год, и реклама внушает вам, что ваш старый телефон — устаревший, неполноценный, даже позорный. Но по факту разница между моделью прошлого года и нынешней — минимальна. Это не удовлетворение потребности — это создание искусственного дефицита, дефицита статуса, дефицита принадлежности к «новому миру».

То же самое с продуктами. Супермаркеты залиты товарами, но маркетологи знают, как внушить вам чувство, что вы что-то упускаете, что вам не хватает каких-то особенных продуктов, что ваша еда «недостаточно здоровая» или «недостаточно модная». И вы платите больше за органическую гречку и авокадо из Перу, хотя обычная гречка и местные овощи питают вас ничуть не хуже.

Искусственный дефицит — это топливо капитализма. И он работает только потому, что мы в него верим. Мы верим, что ресурсов мало, что нам нужно бороться за место под солнцем, что кто-то должен быть бедным, чтобы кто-то был богатым. Но эта вера — не истина. Это религия. Религия дефицита.

3.3. Деньги: от посредника к божеству

Деньги — это инструмент, который должен облегчать обмен и измерять стоимость. Но в современной цивилизации деньги стали самоцелью, абсолютным мерилom всего, новым божеством, которому приносят жертвы — иногда буквально.

Как это произошло? Первоначально деньги были просто удобным способом избежать бартера. Золото, серебро, затем бумажные купюры — всё это было средством, позволяющим обменять труд на товар и обратно. Но со временем деньги перестали быть средством и стали целью. Сегодня люди работают не для того, чтобы что-то производить, а для того, чтобы зарабатывать деньги. Компании существуют не для того, чтобы удовлетворять потребности, а для того, чтобы принести прибыль акционерам. Банки не для того, чтобы кредитовать производство, а для того, чтобы делать деньги из денег.

Финансиализация — вот термин для этого явления. Экономика всё меньше связана с производством реальных благ и всё больше — с циркуляцией финансовых инструментов. Деривативы, фьючерсы, опционы, свопы — эти термины звучат как магия, потому что они и есть магия: обещание денег, которых нет, которые создаются из воздуха. Объём мирового финансового рынка — квадриллионы долларов, в десятки раз превышающий объём реальной экономики. Эти деньги не вложены в фабрики, больницы, школы. Они просто движутся по экранам мониторов, увеличивая состояния тех, кто

умеет играть в эту игру.

Когда деньги становятся божеством, человек перестаёт быть мерой всех вещей. Наоборот, деньги становятся мерой человека. Сколько ты стоишь? Вот главный вопрос, который задаёт тебе система. Твоя зарплата определяет твой статус, твой дом, твои возможности, твоих друзей, даже твоё право на жизнь (лекарства, безопасность, отдых). Если ты «мало стоишь», ты «неудачник». Если ты «дорого стоишь», ты «успешный человек». Деньги перестали быть средством обмена — они стали мерой человеческого достоинства.

Это отчуждение — деньги, существующие отдельно от человека, управляющие им, оценивающие его, — это фундаментальное искажение человеческого бытия. Маркс называл это «товарным фетишизмом». Когда человек стоит меньше, чем вещь, которую он производит, мир переворачивается. Человек становится товаром, а товар становится личностью.

В мире трёх выплат эта дикая идея рушится. Человек перестаёт быть «ценным» или «не ценным» в денежном смысле. Он просто есть. Он — человек. И это достаточно. Это снимает проклятие финансового отчуждения и возвращает деньгам их служебную роль.

3.4. Процент: как ростовщичество стало нормой

Одно из самых страшных извращений в современной экономике — это система процентов. То, что в древности называли ростовщичеством и осуждали все основные религии, сегодня стало основой финансовой системы.

Процент — это плата за использование денег. Звучит невинно. Но вдумайтесь: процент означает, что деньги, которые сами по себе ничего не производят, могут «размножаться» со временем, принося доход своему владельцу без какого-либо труда. Это означает, что тот, у кого есть деньги, становится богаче просто потому, что у него есть деньги. А тот, у кого денег нет, должен отдавать часть своего дохода тому, кто уже богат, просто за право иметь долг.

Процентная система — это механизм перераспределения от бедных к богатым. Бедные люди постоянно берут кредиты (на жильё, на обучение, на лечение, на потребительские нужды) и платят проценты банкам. Богатые люди вкладывают деньги в банки и получают проценты, или же сами кредитуют и получают прибыль. В результате каждый год триллионы долларов перетекают из карманов тех, кто создаёт реальную ценность, в карманы тех, кто просто владеет деньгами.

Это не является неизбежным. Можно организовать экономику без процентов — и такие системы существовали в истории. Исламский банкинг, например, запрещает рибу (процент) и предлагает альтернативные формы финансирования, основанные на разделении прибыли и убытков. В средневековой Европе католическая церковь тоже запрещала процент, хотя с развитием капитализма это правило было постепенно отброшено.

Но возврат к системе без процентов — не просто моральное требование. Это экономическая необходимость, ес-

ли мы хотим перейти от цивилизации дефицита к цивилизации изобилия. Когда проценты запрещены, деньги перестают быть самоцелью. Они становятся средством — и только средством. Кредиты даются для того, чтобы что-то сделать, а не чтобы заработать на самом кредитовании. Это радикально меняет логику экономики.

И книга RemVoVo, и наше учение включают этот принцип: запрет процентов и всех «ядов» экономики. Это не просто экономическая реформа, это нравственный переворот.

3.5. Триста сверхбогатых как символ системного сбоя

Давайте остановимся на этой цифре — 300. Триста человек владеют состоянием, превышающим суммарное богатство половины человечества. Если мы нарисуем схему распределения мирового богатства, она будет напоминать айсберг: на вершине — почти невидимая сверху крошечная группа, внизу — огромная масса людей, владеющих практически ничем.

Кто эти 300 человек? Они — не просто удачливые предприниматели. Они — лица глобального капитала. Их состояния сконцентрированы в таких сферах, как технологии, финансы, энергетика, ритейл, фармацевтика. Они не создали своими руками все эти богатства. Они владеют акциями компаний, которые используют труд миллионов людей по всему миру, эксплуатируют природные ресурсы, занимают монопольные позиции на рынках. Их богатство — это не заслуга, а следствие правил игры, которые писались под них.

Важно понять: 300 сверхбогатых не являются «злодеями» в личном смысле. Многие из них делают благотворительность, некоторые искренне считают, что творят добро. Но их существование как класса — это симптом системной болезни. Она означает, что экономика работает не для людей, а для накопления капитала. Она означает, что правила позволяют небольшой группе присваивать львиную долю созданного богатства, оставляя остальным крохи.

Представьте, что у вас есть пирог, который вы испекли вместе с 100 друзьями. Каждый вложил равный труд. Но один человек говорит: «Я возьму 90% пирога, потому что я владею рецептом и печью. Остальные получают по крошке». Это было бы вопиющей несправедливостью. Но в глобальной экономике именно это и происходит. Те, кто владеет «рецептом» (интеллектуальной собственностью, патентами, технологиями) и «печью» (средствами производства, заводами, инфраструктурой), забирают почти всё, оставляя работающим лишь столько, чтобы они не умерли с голоду.

И эта система воспроизводит саму себя. Сверхбогатые используют свои состояния для лоббирования выгодных законов, для влияния на политику, для контроля над СМИ. Они формируют общественное мнение так, чтобы сохранить свои привилегии. Они спонсируют экспертов, которые доказывают «естественность» неравенства. Они убеждают нас, что бедность — это выбор и что мы должны быть благодарны за ту малую часть пирога, которую нам оставляют.

Но у нас есть сила. Их 300 — против 8 миллиардов. Если мы осознаем, что пирог наш, что мы все его испекли, что мы вправе требовать справедливого дележа, — правила игры изменятся. Три выплаты в день — это как раз механизм справедливого дележа.

3.6. Экономика как машина по производству страха

Теперь мы подходим к самому важному выводу этой главы: современная экономика производит не столько блага, сколько страх.

Как это работает? Экономическая система нуждается в постоянном росте. Капитал должен приносить прибыль, иначе он обесценивается. Но рост невозможен без потребления. А потребление невозможно без чувства нехватки. Если люди довольны тем, что у них есть, они перестают покупать. Экономика останавливается. Поэтому система постоянно должна внушать людям, что им чего-то не хватает — и что завтра будет ещё хуже, если они не купят, не вложат, не сэкономят, не будут «инвестировать в своё будущее».

Страх завтра — это лучший продавец. Страх завтра заставляет вас покупать страховку. Страх завтра заставляет вас брать кредит на жильё. Страх завтра заставляет вас копить на пенсию — но копить так, чтобы ваши деньги работали в банках и инвестиционных фондах, принося прибыль тем же сверхбогатым. Страх завтра заставляет вас работать больше, не брать больничный, не протестовать, не бунтовать. Страх завтра — это клей, который скрепляет систему неравенства.

И это не случайно. Это сознательная стратегия. Вспомните, как в 1970-х годах неолиберальные экономисты (Фридман, Хайек и другие) предложили новую модель: государство должно уйти из экономики, рынки должны быть полностью свободны, социальные гарантии — сокращены. Их аргумент: социальные гарантии делают людей ленивыми, они убивают стимул работать. На самом деле, сокращение социальных гарантий делало людей зависимыми и управляемыми. Когда у тебя нет поддержки, ты не можешь рисковать, ты не можешь критиковать начальника, ты не можешь выходить на забастовку. Ты — идеальный работник: послушный, напуганный, выносливый.

Так называемое «регулирование» рынка труда на самом деле было дерегулированием в пользу работодателей. Увольнения стали проще, профсоюзы ослабли, временная работа и самозанятость (без гарантий) стали нормой. Это называется «гибкость», но на самом деле это — нестабильность. А нестабильность рождает страх. А страх рождает покорность.

И вот мы живём в мире, где огромное богатство соседствует с огромным страхом, потому что страх — это топливо экономики. Мы не можем изменить экономику, не убрав этот страх.

3.7. Реальная экономика: что мы могли бы производить вместо страха

А что, если бы мы перенаправили часть энергии, которая сейчас уходит на производство страха, на производство ре-

альных благ? Представьте себе мир, где:

Все заводы, которые производят оружие, перепрофилированы на производство медицинского оборудования и лекарств.

Все финансовые спекуляции (производные инструменты, высокочастотный трейдинг) заменены прямым финансированием социальных проектов.

Вся реклама, которая внушает нам комплексы и страхи, заменена на образование и просвещение.

Все усилия по лоббированию и защите привилегий переклочены на развитие общественных благ.

Сколько ресурсов мы бы высвободили! Только военные расходы: 2 триллиона долларов в год. На эти деньги можно было бы построить больницы, школы, систему трёх выплат. Только глобальные расходы на рекламу: около 700 миллиардов долларов в год. Эти деньги могли бы пойти на поддержку культуры, науки, образования. Только налоговые потери от офшоров: около 500 миллиардов долларов в год — почти столько же, сколько потребуется на три выплаты для всех бедных.

Экономика изобилия — это не фантазия. Это проект, который уже сегодня имеет все ресурсы. Нужна лишь политическая воля, чтобы переориентировать экономику с производства дефицита и страха на производство благополучия.

И три выплаты в день — это первый и главный шаг в этом направлении.

3.8. История Василия: ставка на дефицит

У меня есть знакомый, Василий. Ему 55 лет, он инженер. В советское время он работал на заводе, имел стабильную зарплату, жильё от государства, бесплатную медицину. После перестройки завод закрылся, государство ушло, и Василий оказался на рынке. Он пытался открыть свой бизнес, но не справился с бюрократией и кредитами. Сейчас он работает охранником в торговом центре за небольшую зарплату. Он говорит: «Раньше я боялся только войны. А теперь я боюсь всего. Боюсь, что потеряю работу. Боюсь, что заболēju. Боюсь, что не смогу платить за квартиру. Боюсь, что сын не найдёт работу. Боюсь, что дожить до пенсии не смогу. Боюсь даже думать о том, что будет через пять лет».

Василий — человек, переживший переход от системы с высокими гарантиями (даже если они были несовершенными) к системе полной неопределённости. Он не стал богаче — он стал свободнее в выборе работы, но в реальности его выбор — это выбор между плохой работой и ещё худшей. Он не стал счастливее — он стал тревожнее. И он не является исключением. Миллионы людей в постсоветских странах, в постколониальных государствах, в деиндустриализованных регионах прошли через этот опыт.

Рыночная система обещала свободу, но принесла неуверенность. И пока она не предложит механизм, который снимает эту неуверенность на уровне базовых потребностей, она будет порождать отчаяние, апатию и гнев. Три выплаты в

день — это как раз такой механизм. Они возвращают уверенность, которую рыночная система отняла.

3.9. Выводы: от дефицита к изобилию — первый шаг

Итак, мы рассмотрели, как устроена современная цивилизация дефицита. Мы увидели, что:

Искусственный дефицит является основой экономической системы, которая производит не столько блага, сколько ощущение нехватки.

Деньги превратились из средства в цель, измерив человеческое достоинство в денежном эквиваленте.

Процентная система — это механизм перераспределения от бедных к богатым, делающий богатых ещё богаче без труда.

300 сверхбогатых — это не просто статистика, а системный сбой, требующий радикального перераспределения.

Страх — это главный продукт экономики, который обеспечивает её стабильность, делая людей послушными.

Теперь мы готовы перейти к следующему этапу: к основаниям нового учения. Мы увидим, как три выплаты в день становятся ответом на все эти системные искажения. Мы покажем, что это не просто экономическая реформа, а философская революция, меняющая сам смысл человеческого существования. Мы развернём механизм трёх выплат, покажем его экономическую осуществимость, его психологическую необходимость и его философскую глубину.

В следующей главе: «Философия изобилия vs философия

дефицита». Мы противопоставим две мировоззренческие парадигмы и докажем, что философия изобилия, реализуемая через три выплаты, не только возможна, но и необходима как для человеческого счастья, так и для выживания цивилизации.

ГЛАВА 4. ФИЛОСОФИЯ ИЗОБИЛИЯ VS ФИЛОСОФИЯ ДЕФИЦИТА

4.1. Две картины мира

Мы подошли к рубежу. Первые три главы были посвящены диагнозу: мы увидели масштаб бедности, природу страха и устройство цивилизации дефицита. Теперь мы переходим к главному — к философскому противостоянию двух мировоззрений, которое лежит в основе всех споров о том, каким должен быть мир.

Представьте себе две карты мира. На одной — мир, где ресурсов всегда мало, где люди вынуждены конкурировать друг с другом, где победа одного означает поражение другого, где жизнь — это борьба, а смерть — проигрыш. На другой — мир, где ресурсов достаточно для всех, где сотрудничество выгоднее конкуренции, где каждый может реализовать себя, не отнимая у другого, где жизнь — это творчество и радость, а не выживание.

Первая карта — это философия дефицита. Она доминирует в современном мире, она пронизывает экономику, политику, культуру, даже личные отношения. Вторая карта — это философия изобилия. Она кажется утопической, но она более реалистична, чем первая, потому что она соответству-

ет фактическому положению дел: ресурсов на планете достаточно для всех.

Противостояние этих двух философий — не абстрактный спор в университетских аудиториях. Это битва за будущее человечества. И мы должны сделать выбор.

4.2. Человек экономический (*homo economicus*) против человека творческого

Философия дефицита имеет своего героя — *homo economicus*, человека экономического. Это рациональный субъект, который всегда стремится максимизировать свою выгоду, минимизировать затраты, конкурировать за ресурсы. Он расчётлив, прагматичен, эгоистичен (в рамках «разумного эгоизма»). Он — идеальный участник рынка.

Но есть проблема: человек экономический — это фикция. Такого человека не существует в природе. Люди не всегда рациональны, не всегда эгоистичны, они часто действуют вопреки своей выгоде — из любви, солидарности, чувства долга. Множество экспериментов (например, в поведенческой экономике) показывают, что люди готовы жертвовать своим доходом ради справедливости, что они сотрудничают даже тогда, когда это невыгодно, что они щедры и доверчивы.

Но модель *homo economicus* была создана не для описания реальности, а для оправдания системы. Если предположить, что все люди эгоистичны и конкурентны, то экономика дефицита выглядит естественной. Тогда бедность — это результат «недостаточной рациональности», а богатство —

результат «правильного поведения». Тогда не нужно менять систему — нужно менять людей, заставляя их быть «более рациональными». И эта идеология очень удобна для тех, кто находится на вершине.

Философия изобилия предлагает другого героя — homo creator, человека творческого. Этот человек не стремится максимизировать выгоду в узком экономическом смысле. Он стремится к самореализации, к познанию, к творчеству, к любви, к общению. Его потребности безграничны не в смысле потребительства, а в смысле духовного роста. Он хочет не иметь больше, а быть больше. Он счастлив, когда он создаёт, когда он помогает другим, когда он познаёт новое.

Философия изобилия утверждает, что человек творческий может раскрыться только тогда, когда его базовые потребности удовлетворены. Когда он не боится голода, холода, болезней — он перестаёт быть «экономическим животным» и становится человеком в полном смысле слова. Именно поэтому три выплаты в день — это не просто экономическая реформа, а антропологическая революция: она позволяет человеку перестать быть homo economicus и стать homo creator.

4.3. Конкуренция как религия: изнанка «естественного отбора»

Философия дефицита возводит конкуренцию в ранг высшего принципа. Нам говорят: конкуренция — это двигатель прогресса. Она заставляет нас быть лучше, быстрее, эффек-

тивнее. Без конкуренции мы бы до сих пор жили в пещерах. И это отчасти правда — конкуренция стимулирует инновации. Но только отчасти.

Проблема в том, что конкуренция в философии дефицита превращается в фетиш. Она становится не средством, а целью. Мы должны конкурировать везде: в школе, на работе, в личной жизни, даже в том, как мы выглядим и что мы покупаем. Постоянное сравнение себя с другими порождает зависть, тревогу, депрессию. Мы уже не работаем для того, чтобы сделать что-то хорошее, — мы работаем, чтобы быть лучше других, чтобы «победить».

Но природа человека — это не только конкуренция. Мы — вид, который выжил благодаря сотрудничеству. Наши предки выживали не потому, что они были сильнее мамонтов, а потому что они умели объединяться, делиться пищей, заботиться о раненых, учить молодых. Альтруизм, эмпатия, кооперация — такие же человеческие качества, как эгоизм и конкуренция. И они не менее важны для нашего выживания.

Философия изобилия не отрицает конкуренцию, но ставит её на службу сотрудничеству. Она говорит: конкуренция хороша в игре, в спорте, в искусстве — но она не должна определять возможность жить. Базовые потребности не должны быть предметом конкуренции. Еда, кров, лекарства, образование — это права, а не призы в конкурсе. Когда эти права гарантированы, здоровая конкуренция может существовать в других сферах без того, чтобы разрушать челове-

ческое достоинство.

4.4. Счастье как победа vs счастье как состояние

Ещё одно глубинное различие между двумя философиями — это понимание счастья.

В философии дефицита счастье — это результат победы. Ты счастлив, когда ты выиграл, когда ты достиг, когда ты обошёл других. Но у победы есть обратная сторона: завтра нужно побеждать снова. Победа никогда не бывает окончательной, потому что конкуренция бесконечна. Это как бег на беговой дорожке: ты бежишь, но пейзаж не меняется. Ты можешь быть успешным, но не быть счастливым — и это обычное явление среди богатых и знаменитых. Они выиграли, но внутри — пустота.

Философия изобилия предлагает другое понимание счастья: счастье как состояние бытия. Это не победа над кем-то, а полнота жизни. Это радость от простых вещей: утреннего света, вкусной еды, объятий ребёнка, разговора с другом, творческого вдохновения. Это счастье доступно каждому, оно не требует победы в конкурсе. Оно требует только одного: чтобы не было страха, отравляющего каждый миг.

Когда три выплаты снимают страх, счастье становится возможным для всех. Не потому что деньги покупают счастье (хотя базовое благополучие действительно покупается), а потому что исчезает главное препятствие для счастья — хронический стресс и тревога. Человек, которому не нужно бояться завтра, может наконец расслабиться и начать жить.

Он может замечать красоту вокруг, наслаждаться моментами, строить глубокие отношения. Это и есть истинное счастье.

4.5. Исторические примеры обществ изобилия

Может ли существовать общество, основанное на философии изобилия? История даёт нам несколько примеров — не идеальных, но показательных.

Первый пример — охотники-собиратели. Долгое время считалось, что жизнь первобытного человека была «грязной, жестокой и короткой» (Гоббс). Но современные антропологи доказали обратное: у большинства племён охотников-собирателей было больше свободного времени, чем у современного работника (3–5 часов «работы» в день), они были здоровее, чем земледельцы, у них были более эгалитарные социальные структуры. У них не было голода в привычном смысле — они знали свою территорию и умели выживать. Их «богатство» измерялось не накоплением, а знаниями и социальными связями. Это была цивилизация изобилия в своём роде — не технологическая, но социальная.

Второй пример — инки (империя инков). При инках не было денег и рынков в современном смысле. Экономика была организована через систему «айлью» — общин, которые совместно обрабатывали землю и распределяли продукты. Государство собирало излишки и перераспределяло их в случае неурожая, строило дороги, обеспечивало всех базовыми потребностями. Это была система с высоким уровнем

социальной справедливости, которая просуществовала века, пока не была разрушена испанскими конкистадорами.

Третий пример, более близкий к нам, — послевоенная Европа (особенно 1950–1970-е годы). В этот период были созданы системы социального обеспечения, бесплатного образования, всеобщего здравоохранения. Неравенство сократилось, уровень жизни вырос, произошёл культурный расцвет. Это был «золотой век капитализма», но не потому что капитализм был свободным, а потому что он был сильно регулируем, потому что существовали высокие налоги на богатство и сильные профсоюзы, потому что государство брало на себя ответственность за базовое благополучие граждан. Это было не идеальное изобилие, но шаг в его сторону.

Эти примеры показывают: изобилие возможно. Оно не противоречит природе человека. Наоборот, оно соответствует глубинному человеческому стремлению к справедливости и сотрудничеству.

4.6. Почему философия дефицита стала доминирующей

Если философия изобилия так привлекательна, почему философия дефицита победила? Почему мы живём в мире, который производит дефицит и страх, а не изобилие и радость?

Ответ лежит в истории власти и идеологии. Философия дефицита была выгодна элитам на протяжении тысячелетий. Она оправдывала иерархию, классы, рабство, крепостничество, колониализм. Она давала моральное обоснование то-

му, что одни люди владеют излишками, а другие умирают с голоду. Она говорила: «Такова природа вещей. Кто-то должен быть богатым, кто-то бедным. Это неизбежно. Это даже хорошо — бедные стимулируют экономику».

И эта идеология была закреплена в религии (протестантская этика — богатство как знак Божьего благословения), в экономической науке (Адам Смит, Томас Мальтус, неоклассики), в политической культуре (индивидуализм, либерализм). Она была встроена в образование, в СМИ, в повседневное мышление так глубоко, что стала казаться «здоровым смыслом». Мы даже не замечаем, как она работает — потому что она стала воздухом, которым мы дышим.

Но когда мы начинаем анализировать, мы видим, что это не «здоровый смысл», а идеология — система идей, которая служит интересам определённой группы. И как любая идеология, она может быть оспорена, разоблачена, изменена. Именно это мы и делаем в этой книге.

4.7. Изменение сознания как первый шаг

Переход от философии дефицита к философии изобилия начинается не с экономических реформ, а с изменения сознания. Мы должны перестать верить в миф о том, что ресурсов мало, что конкуренция — это единственный путь, что бедность — это наша вина.

Этот сдвиг сознания уже происходит. Всё больше людей понимают, что система несправедлива. Молодое поколение (миллениалы, поколение Z) более критично относится к ка-

питализму, они меньше верят в «американскую мечту», они более склонны к сотрудничеству и коллективным действиям. Новые социальные движения — от климатического активизма до движения за базовый доход — показывают, что альтернативы не только возможны, но и востребованы.

Но изменение сознания — это только начало. Дальше идёт построение конкретных моделей, которые могут заменить старую систему. И здесь три выплаты в день являются самой проработанной и реалистичной моделью.

4.8. Три выплаты как философский прорыв

Теперь мы подходим к самому важному: почему три выплаты в день — это не просто экономическая уловка, а философский прорыв.

Три выплаты символизируют переход от мира дефицита к миру изобилия. Они говорят: «Ты имеешь право на существование независимо от твоей полезности для рынка. Ты ценен не потому, что ты работаешь, а потому что ты есть. Твоя жизнь не является предметом торга».

Это утверждение имеет глубокие философские корни. Оно близко к кантовскому императиву: человек есть цель, а не средство. Оно напоминает о христианской идее божественного образа в каждом человеке. Оно перекликается с гуманистической традицией, идущей от Ренессанса.

Когда мы вводим три выплаты, мы говорим: «Страх завтрашнего дня должен быть уничтожен. Борьба за выживание должна прекратиться. Мы освобождаем человечество от

этой тяжкой обязанности, чтобы оно могло заняться своей настоящей миссией — творчеством, познанием, любовью».

Это не просто идея. Это изменение антропологического статуса человека. Человек перестаёт быть «рабочей силой», «ресурсом», «винтиком в машине экономики». Он становится самим собой — существом, чьё достоинство безусловно.

4.9. От утопии к проекту

Критики скажут: «Это всё утопия». Но я отвечу: всякое великое изменение начиналось как утопия. Отмена рабства, всеобщее избирательное право, 8-часовой рабочий день, право женщин на голосование, бесплатное образование — всё это когда-то называли «утопией», «безумием», «разрушением основ». А потом они стали реальностью.

Три выплаты — это такая же утопия сегодня, но завтра она может стать нормой. Уже сейчас проводятся эксперименты по безусловному базовому доходу в разных странах (Финляндия, Кения, Канада, Испания, Индия). Результаты показывают: люди не перестают работать, они становятся здоровее и счастливее, дети лучше учатся, преступность снижается.

Три выплаты в день — это шаг вперёд по сравнению с базовым доходом. Это ежедневное подтверждение того, что ты не забыт, что о тебе заботятся, что у тебя есть завтра. Это не просто экономический механизм — это ритуал, который создаёт новую социальную реальность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.